

**Глеб ГОРБОВСКИЙ,**  
*Санкт-Петербург*



**ПЕРЕД СТАТУЕЙ ПЕТРА**

Сыпь ядовитая на меди,  
 ржа на державном скауне...  
 Нетленны мысли о бессмертье,  
 ветшают звёзды в вышине.

Царь, простирающий десницу,  
 литая плоть его мертва.  
 А за спиной царя столица,  
 им утвержденная, – жива!

Жива огнями теплых окон,  
 морозным паром юных ртов,  
 собора золоченым оком,  
 седьми буклями садов...

Наивный труд: посеять душу  
 в сосуде статуи пустой, –  
 она в домах, ветвах и лужах  
 весны, бесстрашной, молодой!

**ИСАКИЕВСКИЙ СОБОР**

Как будто пылью звёздной  
 тряхнуло с высоты –  
 всё в инее морозном:  
 Нева, собор, мосты.

Белым-белеет садик,  
 весь город в новизне.  
 Лишь зеленеет всадник  
 на медном скауне.

Мелькнувшее светило,  
 скупое, как муляж,  
 сквозь окна посетило  
 закрытый Эрмитаж.

Оно спешит и скоро  
 оставит нас в ночи.  
 За маковку собора  
 цепляются лучи.

Собор наружу шерстью,  
 как мамонт, в землю врос.  
 И крест на прежнем месте  
 блестит, как глаз, в мороз!

**ЛЬВИНЫЙ МОСТИК**

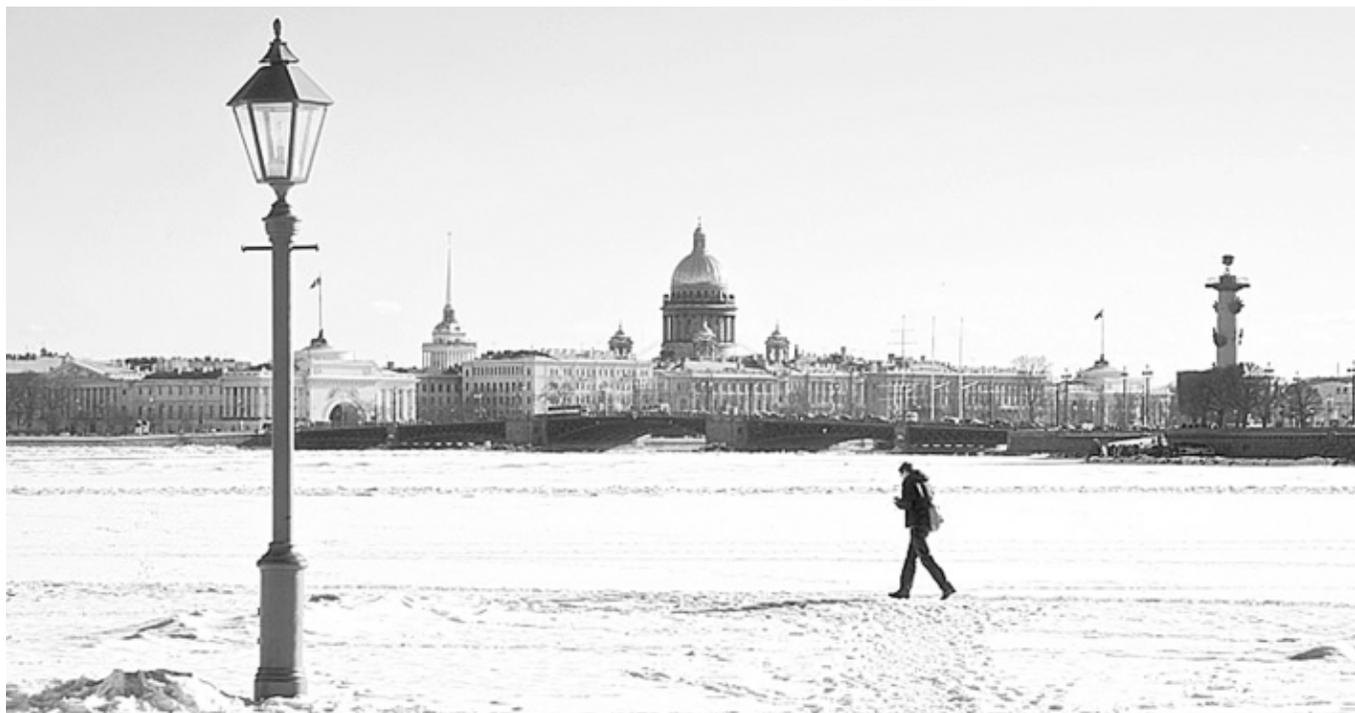
Сколько было тайны всяческой  
 на канале у Подъяческой!  
 ...Кто над домом в башне вспученной  
 управлял флюгаркой скрюченной?  
 Кто под крышкую железною  
 песню в люке пел известную?

Львы тревожили понуры:  
 чем заполнены фигуры их?  
 Пучеглазыми алмазами,  
 или – мышками чумазыми?  
 ...Мост.

Уплыло полстолетия,  
 здравствуй, детство,  
 вот и встретились.  
 Всё, как в годы утра нашего,  
 только звери перекрашены:  
 дремлют, серые от праздности,  
 а ведь были цвета радости!  
 К животам провисшим, в трещинах,  
 прикоснусь ладонью трепетной.  
 Что там, в гипсовой их тучности?  
 Блажь, химера? Пусто, в сущности?  
 Или – та же, но объёмнее:  
 тайна жизни неуёмная?

**У НИКОЛЫ МОРСКОГО**

Любительское фото:  
 скамейка, а на ней  
 трёхлетний я и кто-то  
 из тех истлевших дней –  
 случайная девчонка,  
 пичужка той весны,  
 чирикает о чём-то,  
 чем жили до войны...  
 Вверху – многоугольник  
 небес... А чуть левой –  
 шлем старой колокольни,  
 сквозящий меж ветвей.  
 В саду деревьям тесно,  
 как мыслям...  
 И теперь  
 святое это место –  
 как бы в бывшее дверь.



Сажусь. Скамья другая.  
Но мне сдаётся: та...  
И ворон окликает  
минувшее – с креста.  
И мнится мне, что рядом  
всё та же егоза,  
закрывшая в блокаду  
навек свои глаза.

## **ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕ ЛЕНИНГРАДА**

Касаясь плоских крыш столетья,  
впритык  
к заснеженной земле,  
вполглаза,  
но глядит!  
Но светит,  
как хлеб на праздничном столе...  
О град, являвший ликом – льдину,  
о свод небес, от бомб – рябой...  
И в ту – треклятую – годину  
мерцало солнце над тобой!  
Был день коротким, как дыханье,  
и ночь была, как боль, длинна...  
Но свыше шедшее сиянье  
прожгло и эти времена!  
...Опять зима.  
С утра в затылке –  
ночное, спальное тепло.  
Как свет бесценный от коптилки,  
над миром солнышко взошло:  
пучок лучей –  
пяток, не больше...  
И снова – сумерки без сна.  
Но там, где боль жила – не больно,  
а где стонал февраль –  
весна!

## **ГОРОДСКИЕ ЧАЙКИ**

Как будто поют уключины  
лодочные в тишине, –  
чайки. Невой прирученные,  
поскрипывают на волне.

Уставшие, измочаленные  
злачным, добычным днём,  
к ночи они причалили  
поближе к царю с конём.

Они рождены не грозами –  
городом, суетой...  
Кормит он их отбросами,  
баюкает сон-водой.

На небе, как будто ссадина,  
саднит заря... Рассвет.  
Иней на Медном всаднике  
древней, чем Ветхий завет.

Ведь вот как всё оборачивается!  
Где они, вестники бурь?  
Мусор живой покачивается...  
И вечная неба лазурь.

